

Б.О. КОРМАН И М.М. БАХТИН: СПОР ОБ АВТОРЕ

Спор с Бахтиным о смысловом содержании термина «автор» имеет отношение, с одной стороны, к созданию Б.О. Корманом в 1960–1970-е годы оригинальной методики анализа текста, получившей название «теория автора» и переименованной позднее (прежде всего в работах его учеников и последователей) в «системно-субъектный подход», и к оформлению научного языка, соответствующего существу этой методики. С другой, – к истории восприятия книги «Проблемы поэтики Достоевского», выход которой остро поставил вопрос об адекватном понимании бахтинского научного языка и используемых ученым понятий. Б.О. Корман был внимательным читателем Бахтина, книга которого, особенно глава о типах прозаического слова у Достоевского, сильно стимулировала его собственный интерес к стилистике текста и к стилистическим формам выражения авторского сознания и авторской позиции. Однако она была воспринята преимущественно под углом зрения решаемых создателем «теории автора» конкретных методологических и методических задач, что предопределило направление и характер спора.

Основные возражения, адресованные Бахтину, связаны были, во-первых, с толкованием в книге о Достоевском слова «автор», во-вторых, с обнаруженным в этой книге отношением к научной терминологии и к использованию конкретных терминов, вызывавшим у Б.О. Кормана принципиальное несогласие. Объясняется это несогласие тем, что Б.О. Корман стремился построить «теорию автора» как научную систему, где каждое понятие обладало бы строгим терминологическим содержанием и не вступало бы в противоречие с другими понятиями и с научной системой в целом. Поскольку внутреннюю непротиворечивость и структурную стабильность этой системы могло обеспечить только четкое и однозначное толкование слова «автор», то понятно, почему так беспокоило Б.О. Кормана

именно словоупотребление Бахтина, приводившее, как казалось, не просто к размыванию семантики главного для «теории автора» термина, но и (*в пределе*, если воспользоваться одним из излюбленных бахтинских словечек) ставившее, возможно, под вопрос «теорию автора» как таковую¹.

С.Г. Бочаров в отзыве на рукопись пособия Б.О. Кормана отметил особую значимость для ученого проблемы автора: «Это действительно *основная* проблема *целостного* понимания произведения; между тем в существующих общих курсах по теории литературы она не нашла себе места. <...> И совершенно правильно он в центр изучения ставит именно этот вопрос об авторе и его позиции, организующей литературное произведение в целом»². Речь идет об *основной* не только для «теории автора», но и вообще для теоретико-литературного изучения произведения проблеме. Она именно так (как *центральная* теоретико-литературная проблема) Б.О. Корманом она осознавалась, почему собственно в его научной системе и в его научном языке все понятия располагалась вокруг термина «автор» и с ним увязывались. Стоило лишить этот главный термин твердого значения – обрушилась бы вся система. Поэтому спор с Бахтиным только *по видимости* носил сугубо терминологический характер, но на деле был спором методологическим. По большому счету это был спор о филологическом понимании литературного произведения.

Разграничение различных значений слова «автор» и придание ему статуса научного термина Б.О. Корман рассматривал как условие и предпосылку анализа произведения. Многозначность термина приводила, с его точки зрения, к смешению разных значений (автор как реально существующий человек отождествлялся с автором в качестве носителя концепции произведения, а последний – с повествователем или рассказчиком): «Такого рода многозначность крайне нежелательна для научного термина (слова, точно обозначающего определенное понятие, применяемое в науке). Надо стремиться к полной однозначности термина, хотя практически это не всегда удается»³. Между тем рассмотрение

внутренней структуры произведения требовало от исследователя осознанного и осмысленного выбора понятия, указанной многозначности лишенного⁴.

Согласно Б.О. Корману, автор как носитель концепции произведения (именно это значение является ключевым для «теории автора») непосредственно в текст не входит, отсюда его опосредованность субъектными или внесубъектными формами. В книге же Бахтина, прочитанной под углом зрения «авторской веры»⁵, в которую Б.О. Корман тогда обращался сам и стремился обратить других, он открыл неоднородность явлений (таких, например, как автор и рассказчик), объединенных словом «автор», отметив способность автора у Бахтина *войти* в произведение, для «теории автора» в принципе неприемлемую. Сильно смущал его и бахтинский тезис о равноправии автора и героя в романах Достоевского, подрывавший не просто статус автора как носителя концепции произведения, но и, как можно предположить, самое «авторскую веру».

Отсюда полемический вывод: «Смещение разных значений, подмена одного значения другим становятся источниками серьезных затруднений, задерживают и усложняют нахождение истины.

Нам кажется, что именно с таким случаем мы имеем дело, в частности, в книге М.М. Бахтина о Достоевском»⁶.

Под «истиной» имеется в виду авторская художественная концепция, раскрываемая в процессе анализа произведения. Присутствующая же в книге Бахтина «терминологическая неясность», когда дело идет об авторе, имеет своим источником, по Б.О. Корману, «смещение автора как носителя концепции, выражением которой является все произведение, с одной из форм авторского сознания – повествователем, рассказчиком, рассказчиком-героем, хроникером и т.п.»⁷. Вступив в спор с Бахтиным, Б.О. Корман счел нужным напомнить, что «автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредствован субъектными или внесубъектными формами»⁸.

Научный язык «теории автора» служит здесь критерием интерпретации и оценки не просто терминологии, но научного языка Бахтина. Спор о термине обернулся столкновением и конфликтом научных языков.

Можно согласиться, что именно «терминологическая проблема» оказалась «приоритетной»⁹ для Б.О. Кормана на определенном этапе создания «теории автора», выработки свойственного ей научного языка. Это делает понятным желание ученого детально разобраться не только в собственной, но и в бахтинской терминологии, наблюдения над которой потому и стали предметом специальной статьи. Особое внимание привлекла на этот раз классификация Бахтиным типов прозаического слова, недостаток которой Б.О. Корман вновь усматривает в многозначности термина «автор»¹⁰. Идя по тексту книги о Достоевском, он останавливается на наиболее часто используемых здесь «словесных эквивалентах понятия автор», к числу которых принадлежит, например, словосочетание «авторский замысел», не вполне ясное, как и другие подобные ему, по содержанию, поскольку оно допускает смешение разных значений термина «автор». Вместе с тем Б.О. Корман замечает и подчеркивает указания Бахтина на активность автора «как последней смысловой инстанции, организующей все произведение»¹¹. Подобная формулировка обладала гораздо большей терминологической определенностью и прямо соприкасалась с понятием автора как носителя концепции произведения, почему Б.О. Корман ее специально и выделяет.

Рассматривая соотношение таких явлений, как «чужое слово» и «авторский текст», Б.О. Корман приходит к выводу, что текст этот на самом деле является «текстом рассказчика», а не автора, и что у Бахтина не случайно происходит отождествление рассказчика с автором. (По этой же причине терминологически нечеткими кажутся ему и словосочетания «авторская речь», «авторское слово», «авторский контекст»¹²). Последний выступает также и синонимом «говорящего героя», носителя прямой речи, строй которой определяет чужое слово¹³. Недопустимая многозначность

слова «автор» и привела, на взгляд Б.О. Кормана, к совмещению и взаимоналожению разных значений этого понятия, результатом чего и явилось представление о способности автора «стать одним из говорящих»¹⁴.

Обратившись к субъектной структуре романа Достоевского, Б.О. Корман продолжил спор, который вышел за рамки терминологического и касался непосредственно бахтинского подхода. Он был осмыслен, однако, в том же ключе, что и в статье о бахтинской терминологии, где вопрос стоял не столько о ее адекватности научным идеям самого Бахтина, взятым в контексте его книги, сколько о ее соответствии понятийному аппарату «теории автора». Поэтому Б.О. Корман и предпочитает говорить не о полифонии и полифоническом романе, а об особом типе содержательной многосубъектности, развивая взгляд на романы Достоевского как «романы драматические»¹⁵. То есть он их предельно *монологизирует* и возвращает тем самым спор к *начальной* точке, а если конкретнее, то к первой главе бахтинской книги (только отмеченный Бахтиным путь «философской монологизации – основной путь критической литературы о Достоевском»¹⁶ сменился монологизацией литературоведческой). Причем мотивировка несогласия с *подходом* (и, прежде всего, с представлением о равноправии автора и героя у Достоевского) лежит, как можно заметить, опять-таки в плоскости *терминологии*: «Терминологической основой этого взгляда является зыбкость и незафиксированность значений слова “автор”. Вообще, подмена автора как носителя последней смысловой инстанции автором как носителем высказывания, в частности»¹⁷. На языке «теории автора» это означало, что автор как носитель концепции произведения подменяется у Бахтина одним из субъектов речи.

Примечательно, что и в работах последователей Б.О. Кормана предметом спора становились, как правило, не столько бахтинские идеи, сколько термины, которые интерпретировались с точки зрения «теории автора». Идея полифонии корректировалась, например, представлением о повышении в романах Достоевского нагрузки на композицию:

«...объективное раскрытие самосознания личности в них отнюдь не замещает активность автора, а лишь усложняет пути ее проявления»¹⁸. Под композицией имелись в виду соотнесение фактов и систематика образов, их взаимодействие внутри произведения¹⁹. Полифония же трактовалась как определенный принцип композиционного мышления²⁰. А полифонический роман уподоблялся роману монологическому, поскольку формы авторской активности в данных типах романа обладали, как казалось, принципиальным сходством: «Композиция и сюжет оказываются главнейшими средствами и формами проявления авторского мнения и оценки»²¹. И в этом случае именно конфликт научных языков определяет отношение исследователя к научным идеям Бахтина, которые не поддавались буквальному переводу на чужой для них научный язык²².

Показательно, что полифония не рассматривалась Бахтиным в качестве *композиционного* принципа: «Главное же в полифонии Достоевского именно в том, что совершается между разными сознаниями, то есть их взаимодействие и взаимозависимость»²³. Этот акцент на *между* принципиально отграничивает полифонию от композиции как формы выражения авторской оценки героя в монологическом романе. Подчеркивая относительную свободу героя в романе полифоническом, которая «не нарушает строгой определенности построения»²⁴, Бахтин указывал на совершенно иной характер отношений здесь автора и героя: «Слово автора о герое организовано в романах Достоевского, как слово о присутствующем, слышащем его (автора) и могущем ему ответить»²⁵.

На действительно существующую проблему *перевода* понятий Бахтина на язык «теории автора» специальное внимание обратил С.Г. Бочаров, рассуждая о трудностях адекватного истолкования бахтинских идей: «Автор у Бахтина, мне кажется, именно очень активен как “носитель концепции”, и все дело в том, какова эта концепция, “выражением которой является все произведение”: концепция эта в том, что “подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама

ответно и свободно раскрывает себя” (Бахтин, стр. 79), а осуществление этой концепции в произведении (“смысл художественной формы” – стр. 84) – в том, что: “Автор говорит всею конструкцией своего романа не о герое, а с героем” (86)»²⁶.

Цитируя книгу о Достоевском, С.Г. Бочаров использует чужую, казалось бы, для нее терминологию (автор как «носитель концепции, выражением которой является все произведение»), но подобный ход позволил существенно сблизить позиции Б.О. Кормана и Бахтина в *теоретическом* осмыслении роли автора в произведении. Ведь в *контексте* бахтинской книги автор у Достоевского не совпадал ни с самим Достоевским, ни с какой-либо из субъектных форм, что подтверждалось и конкретными анализами романов писателя.

Расхождения, породившие научную полемику, имели не столько терминологический, сколько герменевтический характер и связаны были с различным пониманием *конструкции* («художественной формы», обладающей своим «смыслом») романа Достоевского. По Бахтину, автор у Достоевского говорит всей этой конструкцией *с* героем, по Б.О. Корману, автор может говорить исключительно и только *о* герое, что исключает возможность диалогического проникновения в личность героя. Роман Достоевского превращался в роман Л. Толстого, где автор, как показал Бахтин, «не спорит со своим героем и не соглашается с ним. Он говорит не с ним, а о нем»²⁷. Спор о значении научного *термина* на деле упирался в вопрос об адекватном истолковании научной *концепции* Бахтина.

Как и некоторые другие интерпретаторы Бахтина, Б.О. Корман рассматривал его научный язык «на фоне позитивной научности, предполагаемой как язык филологического исследования», тогда как на более существенном для бахтинской мысли «фоне преобладающего стиля вольного размышления в нашей религиозно-философской традиции он кажется более строгим и связанным, более дисциплинированным терминологически и заключающим в себе как бы некое принципиальное

самоограничение»²⁸. Задачей бахтинского научного языка было привлечь внимание «к смысловому весу в нашей жизни *другого человека* и его *чужого слова*»²⁹. Отсюда отмеченная С.Г. Бочаровым связь терминологии Бахтина с философско-филологической проблемой другого человека: «Книга о Достоевском о том написана, как человек нуждается в признании его другим человеком»³⁰.

С учетом отмеченной связи и следует понимать показавшееся отнюдь не бесспорным утверждение, что «...термины Бахтина не работают (или плохо работают) за пределами его текстов и не годятся для общенаучного употребления»³¹. Дело не просто в индивидуальной неповторимости бахтинского научного языка (ср. полемику с мнением С.Г. Бочарова: «Возникает даже соблазн абсолютизировать эту уникальность...»³²), но в сложившихся приемах его *общенаучного употребления*. Поэтому и попытка концептуализации этого языка в духе представлений «теории автора» обернулась его проблематизацией, что, правда, имело свою позитивную сторону, поскольку попытка эта помогла высветить существо бахтинского *подхода*: «Проблемность он явно предпочитал концепции»³³. Требуемая *концепцией* полная однозначность термина выглядит тем, «что он называл (всегда несочувственно) “сведением концов с концами”»³⁴, тогда как *проблемность* предполагала, что намеренно не устраняемые противоречия живой мысли обладают особой продуктивностью, открывая каждый раз возможности «смысловой переакцентировки»³⁵.

Как точно было отмечено, слово Бахтина «не дано готовым, а становится в контексте...»³⁶. Это верно и применительно к слову «автор»: «теория автора» с ее требованием однозначности термина как раз рассматривала его в качестве *готового*, тогда как Бахтин стремился не упустить из виду оттенки и переходы, акцентируя смысловую подвижность понятия, соответствующую движению смысла в самом произведении. Уловить и передать это движение *готовые* понятия обычно не позволяли, чем во многом и объясняется использование Бахтиным таких

метафорических по происхождений терминов, как полифония и полифонический роман: «Образ полифонии и контрапункта указывает лишь на те новые проблемы, которые встают, когда построение романа выходит за пределы обычного монологического единства, подобно тому как в музыке новые проблемы встали при выходе за пределы одного голоса»³⁷. Автор же в полифоническом романе, где существуют разные миры и дана «не одна, а несколько точек отсчета», в силу своей диалогической активности осуществляет функцию сложного полифонического единства³⁸. Требование *однозначно* определить этого автора означало бы для Бахтина, как можно предположить, отказ от самой идеи полифонии.

Там, где ему это было необходимо, Бахтин давал совершенно четкую трактовку термина «автор», без какого-либо *смешения* разных значений: «Автор произведения присутствует только в целом произведения, и его нет ни в одном выделенном моменте этого целого, менее же всего в оторванном от целого содержании его. Он находится в том невыделимом моменте его, где содержание и форма неразрывно сливаются, и больше всего мы ощущаем его присутствие в форме. Литературоведение обычно ищет его в выделенном из целого *содержании*, которое легко позволяет отождествить его с автором – человеком определенного времени, определенной биографии и определенного мировоззрения»³⁹. В приведенном определении (можно сказать, определении словарного типа) *автор произведения* («носитель концепции») отделен от *автора-человека* («биографического автора») и непосредственно в текст не входит, следовательно, ограничен и от разного рода «субъектов речи».

Совершенно иная ситуация с терминологией – в книге о Достоевском. Диалогическая активность автора в полифоническом романе осмыслялась здесь как позиция, не нуждающаяся в *фиксировании* того или иного значения понятия, которое каждый раз устанавливалось контекстом конкретного анализа. Существенными между тем были для Бахтина не эти *отдельные* значения, но *эпифании* автора, способного диалогически проникать в разные

планы произведения и одновременно оставаться на его границах. Поэтому автор у Бахтина представал как величина *переменная* и *проблемная*, что позволяло в каждый момент анализа учитывать то значение понятия, которое предполагалось контекстом анализа, и не упускать из виду динамику смыслового содержания этого понятия.

В бахтинской мысли, оперирующей понятием автора, *многозначность* которого вызвала Б.О. Кормана на спор, постоянно меняется «не только предмет, и не столько предмет, но прежде всего *ракурс* изложения»⁴⁰. Меняя *ракурс*, Бахтин не прибегал каждый раз к новому термину, поскольку неизменным оставался *предмет* (авторская диалогическая активность). Однако избранный способ изложения препятствовал привычной для любого термина «стабилизации значений» и усиливал обычно утрачиваемую термином «многозначность»⁴¹. Такое словоупотребление отвечало пониманию Бахтиным точности и глубины в гуманитарных науках: «Пределом точности в естественных науках является идентификация ($a = a$). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнавание чужого и т.п.)»⁴². Диалогическая позиция Бахтина как исследователя объясняет и его отношение к *однозначности* термина ($a = a$), и то предпочтение, которое он отдавал *многозначности* термина, способного передать *глубину* явления, *узнаваемого* во всем его неповторимом своеобразии.

Возвращаясь к спору Б.О. Кормана с Бахтиным, отметим, что для Бахтина существенно важным было не *словарное*, но *жизненно-ценностное* значение термина «автор». Что же касается *научной* уязвимости этого термина, то возможной репликой в споре могло бы послужить мнение другого *диалогического* человека: «Многие построения Бахтина были уязвимы, и он это отлично знал, но зато они убедительны как система взглядов, содержащая в себе целостную концепцию жизни мира и человека»⁴³. Вероятно, именно стремление Б.О. Кормана к постижению этой

целостной концепции не позволило все же превратить его полемику с Бахтиным в «спор о словах», но самым серьезным образом стимулировало движение его собственной научной мысли, побуждая не только раздвигать границы «теории автора» и проверять научную убедительность диктуемых ею выводов на новом материале, но и не страшиться «самой “несведенности” предпосылок и выводов»⁴⁴.

---

¹ Ср.: «И вот почему *внутри* теории постоянны “споры о словах”, как сознательное стремление к точности терминологии, как проверка главного термина на “чистоту”, потому что *именно им* обуславливается особый статус теории автора как методологии литературоведческого анализа» (Черашняя Д.И. Разные значения термина *автор* // Черашняя Д.И. Поэтика Осипа Мандельштама: Субъектный подход. Ижевск, 2004. С. 9). Однако полемика Б.О. Кормана с Бахтиным показывает, что «спор о словах» не был только *внутренним* делом «теории автора», но выходил за ее пределы.

² Цитата из отзыва С.Г. Бочарова от 25.04.1974 на рукопись книги Б.О. Кормана «Теория и практика анализа художественного текста»: Вестник Удмуртского ун-та. Спец. выпуск. Филология. Труды и дни проф. Б.О. Кормана. Ижевск, 1997. С. 115.

³ Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 8.

⁴ См.: Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 59. Статья впервые опубликована в 1971 г.

⁵ Черашняя Д.И. *Другость* в Я: полифония и поэтическое многоголосие // Черашняя Д.И. Поэтика Осипа Мандельштама: Субъектный подход. Ижевск, 2004. С. 24.

⁶ Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора. С. 60.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Черашняя Д.И. Разные значения термина *автор*. С. 11.

¹⁰ Корман Б.О. Из наблюдений над терминологией М.М. Бахтина // Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 128. Статья впервые опубликована в 1978 г.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же. С. 130.

¹³ Там же. С. 132.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Корман Б.О. Проблема автора в художественной прозе Ф.М. Достоевского // Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск, 1992. С. 155. Статья впервые опубликована в 1980 г.

¹⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979. С. 10. Кстати, мнение Б.О. Кормана о романах Достоевского как «драматических», подобно определению Вяч. Иванова «роман-трагедия», казавшееся Бахтину «неверным», сводящим «новую художественную форму к уже знакомой художественной воле», также свидетельствует о восприятии полифонического романа «в пределах монологического типа» (Там же. С. 12).

¹⁷ Корман Б.О. Проблема автора в художественной прозе Ф.М. Достоевского. С. 159.

¹⁸ Свительский В.А. Композиционное мышление и авторская оценка в романах Достоевского 60–70-х годов // Русская литература 1870–1890 годов. Сб. 7. Свердловск, 1974. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 21.

---

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Свительский В.А. Композиционная структура романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» // Анализ художественного произведения. Воронеж, 1977. С. 41.

²² См. об особой значимости для «теории автора» такой категории, как композиция, что обусловлено *монологической направленностью* научной концепции Б.О. Кормана: Тамарченко Н.Д. <Рец.> Б.О. Корман. Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986 // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47. № 4. С. 383–384. Подобная направленность отличает и «деятельностный подход» с его акцентом на сюжетно-композиционном *развертывании* целого («от начала к концу» и «от одного уровня организации к другому»), призванный придать новые методологические импульсы развитию «теории автора». См.: Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж, 1994. С. 197, 203.

²³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 43.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Письмо С.Г. Бочарова Б.О. Корману от 2.05.1972 // Вестник Удмуртского ун-та. Спец. выпуск. Филология. Труды и дни проф. Б.О. Кормана. Ижевск, 1997. С. 176.

²⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 83. Ср.: «Преодоление монологизма. Что такое монологизм в высшем смысле. Отрицание равноправности сознаний в отношении к истине (понятой отвлеченно и системно)» (Бахтин М.М. 1961 год. Заметки // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 341).

²⁸ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 487.

²⁹ Там же. С. 510.

³⁰ Там же. С. 512.

³¹ Там же. С. 516.

³² Бройтман С.Н. Научный язык и терминология М.М. Бахтина: некоторые итоги // Дискурс. 2003. № 11. С. 6.

³³ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. С. 510.

³⁴ Там же.

³⁵ Бройтман С.Н. Научный язык и терминология М.М. Бахтина: некоторые итоги. С. 7. Синонимом «противоречий» может служить «неопределенность» как «стремление к высшей точности», но ни в коем случае не «ошибки», поиск которых лишь выдает «наши собственные монологические навыки» (Там же. С. 6, 8).

³⁶ Там же. С. 8.

³⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 25–26.

³⁸ Бахтин М.М. Достоевский. 1961 // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 367.

³⁹ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 362–363.

⁴⁰ Гоготишвили Л.А. Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 145.

⁴¹ Бахтин М.М. <К вопросам самосознания и самооценки...> // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 79.

⁴² Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук. С. 371.

⁴³ Аверинцев С. Попытки объясниться: Беседы о культуре. М., 1988. С. 29.

⁴⁴ Тамарченко Н.Д. Указ. соч. С. 384.